
ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КАК ПРОСТРАНСТВО ВЛАСТИ И СОПРОТИВЛЕНИЯ: ВЗАИМООТНОШЕНИЕ СЕКС-РАБОТНИЦ И ПОЛИЦИИ В КОРДОВЕ (АРГЕНТИНА)

Мариса Фасси

В статье рассматривается опыт противодействия полицейскому произволу организованных в группы секс-работниц в городе Кордова, Аргентина. Внимание к этой проблеме особенно актуально в свете увеличения в стране амбивалентных норм права. Правовая неопределенность является пространством власти. Поднимаются вопросы о степени свободы полицейских при принятии ими правовых решений в различных ситуациях. Особое внимание уделяется тому, как правовые нормы способствуют расширению полномочий полиции. Правовая неопределенность является пространством сопротивления. Так, согласно проведенному исследованию, секс-работницы пользуются правом для применения собственных тактик по противодействию полицейскому произволу. Коллективное протестное действие в форме профсоюзной организации приводит к изменению отношений между секс-работницами и полицией, а также к модификациям норм местного кодекса правонарушений.

Ключевые слова: сопротивление, полиция, сексуальный труд, закон, Аргентина

Секс-работницы приступили к созданию собственной организации в 2000 г. Обсуждение невозможности терпеть оскорбления, насилие и дискриминацию по отношению к ним со стороны полиции составляло основное содержание их встреч. Полицейский произвол достиг своего пика в первые месяцы после учреждения Аргентинской ассоциации женщин секс-работниц в Кордове. Тем не менее, организация становилась все сильнее и в конечном итоге помогла переопределить статус сексуального труда как юридически так и социально. Более того, активистки организации

Мариса Н. Фасси – докторант международной программы по социологии права «Renato Treves», Исследовательский университет Милана, Италия. Электронная почта: marisa.fassi@unimi.it

смогли остановить постоянные задержания, коррупцию и нарушения прав со стороны полицейских. Как сообщает одна из членов организации: *«теперь ты уже не станешь просто еще одной шлюхой, убитой в канаве, еще одним нераскрытым преступлением <...> организация поменяла все это»* (Хулия). После 2010 г. в Аргентине усилилась неоаболиционистская тенденция. Данная позиция подразумевает, что секс-работницы (называемые в этом дискурсе «проститутками») являются жертвами торговли людьми и должны быть спасены. Организованные в профсоюзы секс-работницы до сих пор испытывают на себе последствия этого поворота в социальной политике. Они сообщают, что теперь их права вновь нарушаются повсеместно, хотя это и обосновывается их спасением от уличной работы. Полиция вновь обвиняется в произволе.

Эту сложную ситуацию можно анализировать с разных позиций, поскольку она включает глобальный и локальный контексты, гендерные вопросы, проблемы коллективного действия, мобилизации вокруг защиты прав, а также социальную и правовую дискриминацию. Я предлагаю сфокусироваться на одном аспекте проблемы: какую роль играет право в динамичном развитии отношений власти и сопротивления. Изменения, касающиеся отношений между полицейскими и секс-работницами, случились без соответствующих поправок к законам. Учитывая позитивистскую ориентацию правовой системы Аргентины, следует уточнить, каким образом форма законодательной нормы позволяет развиваться отношениям власти и сопротивления? Этот вопрос относится к области политики правовой неопределенности.

Поднимаемая проблема становится чрезвычайно актуальной в свете развития неясных и амбивалентных норм права, призванных регулировать большие группы людей. Кодексы поведения, Акты нарушения прав, Кодексы проступков, Гражданские кодексы, Правила об ответственности за мелкие правонарушения и целый ряд гражданских и административных правовых норм все чаще используются для управления городским населением страны. Отмечается экспансия этих правил на многие сферы жизни в результате агрессивного подхода к мелким нарушениям порядка, продвигаемого в рамках политики «ноль толерантности» (Beckett, Godoy 2010; De Giorgi 2005; Comack, Balfour 2004; Young 2003). Эти правовые конструкции подвергаются критике за крайне расплывчатые формулировки, неясные процедуры применения, все возрастающее их использование в качестве правового оружия против определенных групп и оправдания систематической повседневной слежки за особенно уязвимыми группами населения (Fassi 2012; Beckett, Herbert 2008; Gowan 2002; Zaffaroni 1988). Более того, Кодексы поведения позволяют измерять «эффективность» полиции, но не потому, что она успешно борется с правонарушениями, а потому, что статистика мелких правонарушений позволяет обосновать бюджет полицейских участков, демонстрируя проверяющим органам, что полицейская работа ведется (Sánchez 2014: 110).

Экспансия неясных, амбивалентных и туманных норм требует глубокого осмысления политики правовой неопределенности. Неопределенность является пространством власти. В научной литературе, фокусирующейся на применении права полицией, поднимаются вопросы по поводу степени свободы полицейских при принятии решений о том, в каких случаях следует применять закон. Аргументы данной статьи поясняют каким образом правовые нормы допускают произвол и давление. Однако правовая неопределенность также является пространством сопротивления. Социальные акторы не являются пассивными реципиентами спускаемой сверху политики, правовая неопределенность может послужить основанием для борьбы за лучшие условия. В этом смысле, секс-работницы пользуются правом для применения собственных тактик по противодействию полицейскому произволу. Последняя часть статьи посвящена описанию недавних событий, изменивших отношения между секс-работницами и полицией в результате неоаболиционистской волны в социальной политике Аргентины. Статья является результатом более общего исследовательского проекта. Данные для анализа собирались с 2009 г. при помощи глубинных интервью и включенного наблюдения. Кроме того, в работе анализируются вторичные источники, такие как правовые документы, видеозаписи и газетные статьи.

Правовой контекст сексуального труда и полицейской работы

Для анализа правовой неопределенности необходимо контекстуализировать правовую систему и позиции акторов (в нашем случае – секс-работниц и полицейских), которые вовлечены в ее воспроизводство. Согласно аргентинской системе, каждая провинция имеет право регулировать в уголовной сфере «нетяжкие проступки», а добровольная оплата сексуальных услуг преступлением не является. Однако Кодексы поведения в большинстве провинций содержат в себе эксплицитное упоминание «проституции», запрещая, к примеру, «скандальную проституцию», «поиск сексуального удовлетворения в общественных местах», «нарушающую спокойствие проституцию», «опасную проституцию», при которой «падшие женщины, привлекающие мужчин в свои дома с бесчестными намерениями», могут подвергнуться аресту, штрафу или принудительному лечению. Кодекс поведения Кордовы в статье 45 предусматривает санкции за «скандальную или нарушающую общественный покой проституцию»:

Вовлеченные в проституцию, делающие предложение публично или возбуждающие сексуальный интерес к себе, нарушая спокойствие людей или провоцируя скандал, наказываются арестом на срок до двадцати (20) суток. В данную категорию включаются также делающие предложения внутри здания, но на виду общественности или соседей. Во всех случаях предписывается обязательное медицинское освидетельствование и тест на ЗППП, а при необходимости также принудительное лечение (Закон № 9444).

На первый взгляд, может показаться, что «проституция» наказывается только в случае инициирования «скандала» или «нарушения спокойствия» в результате предложения соответствующей услуги. Однако в кодексе существует другая статья, предусматривающая наказание за публичные скандалы (ст. 52). Нормы Кодекса поведения Кордовы достаточно неопределенны, чтобы расценивать широкий спектр повседневных взаимодействий как скандал (например, «публичный скандал», «бродяжничество» и т.п.). Полицейские получают право решать, что соответствует, а что не соответствует этим нормам. Непрозрачность процедуры усиливает правовую амбивалентность. При применении норм права, касающихся мелких правонарушений, полицейские становятся судьями, присяжными и исполнителями наказаний одновременно. Процедура правоприменения предполагает, что именно полиция ответственна за первичное ведение дела и назначение наказания для правонарушителя в тех случаях, когда санкции не превышают 20-дневного ареста (ст. 114.1). Вмешательство адвокатов не является обязательным и предоставляется только по требованию подозреваемого, оглашенному в течение 48 часов после обвинения. Более того, весь процесс может быть проведен вообще без юридического сопровождения (ст. 15). Клаудио Гиньясу поясняет, что этот невообразимо короткий срок не имеет процессуальных аналогов для других административных правонарушений. В повседневной практике «адвокаты крайне редко участвуют в таких процессах, так как обвиняемые не знают о своем праве пригласить адвоката либо не имеют возможности это сделать, или даже на соответствующую просьбу получают от полиции отказ» (Guiñazú 2010: 10). Так, главной характеристикой такого использования принуждения оказывается возможность одновременно собирать и оценивать доказательства полицейскими, а также выносить обвинение по нему – все это может быть сделано вне конституционных гарантий (Oliveira, Tiscornia 1997: 69).

Правовая неопределенность и дискуссия о полицейском произволе

Пределы усмотрения – это тема, которую невозможно избежать при анализе действий полиции. Данный концепт понимался как неформальный процесс принятия решения, совершаемый полицейскими при применении неясных правовых норм (Aydin 1997: 141). Его также определяли как «использование индивидуального суждения сотрудниками полиции при принятии решений по поводу того, какой из доступных вариантов действий подходит в конкретной ситуации» (Cox 1996: 46). В конце концов, «рядовой полицейский является основным хранителем порядка там, где это действительно необходимо: на улице» (Reiner 2010: 86). Майкл Липски доказывает, что не только полицейские, но и другие государственные работники, чья сфера деятельности заключается в непосредственном контакте с гражданами, об-

ладают достаточно широкими пределами усмотрения и относительной автономностью от вышестоящих начальников при применении государственной социальной политики в своей работе. Многообразие задач, свойственное таким типам работ, предполагает, что правила и инструкции не могут обозначить все возможные решения возникающих здесь и сейчас проблем (Lipsky 2010: 14–15).

Таким образом, пределы усмотрения полиции понимались как неразрешимая проблема. Более того, такое положение дел описывалось как «нормальная, соответствующая и неизбежная часть охраны порядка, распространенная на всех уровнях принятия решений в полицейском участке» (Cox 1996: 46). Почему оно неизбежно? Некоторые исследователи указывают на характер работы при ответе на этот вопрос. Ахмет Айдин полагает, что основной мандат полицейского труда заключается в балансе между применением права и признанием существования локальных норм поведения, которые равнозначно важны в повседневной работе полицейского (Aydin 1997: 141). Другие исследователи указывают на неопределенность самих правовых норм (Newburn, Reiner 2012): «возможность не применять закон» – это продукт неопределенности самого закона (Lustgarten 1986: 15).

Наличие широких пределов усмотрения вызывает риски, включающие «непоследовательность, непредсказуемость и отсутствие ответственности» (Cox 1996: 50). Поэтому Айдин предупреждает, что хотя эти пределы и являются важным инструментом в работе сотрудника полиции, «он должен использовать с чрезвычайной осмотрительностью, под контролем и ограничено, чтобы избежать нарушений и предвзятости», поскольку велики риски для ведения нормального правового процесса, также как и возможности произвола (Aydin 1997: 146–149). Марсело Саин считает недопустимым позволять полицейским свободно выбирать вариант действий среди некоторого круга возможностей. Он полагает, что компетенции полицейского должны ограничиваться определением обстоятельств происшествия и действиями согласно этим обстоятельствам (Saín 2008: 108).

Я предлагаю включить в обсуждение пределов усмотрения дискуссию о роли закона при предоставлении возможностей произвола и давления. Отношения между законом и полицейской работой могут определяться разными подходами. До 1960-х гг. считалось, что полиция занимается применением права (Anitua 2009; Waddington 1999) в соответствии с формулой «закон и порядок» (Neocleous 2000). Сотрудники полиции просто следовали законным предписаниям, которым впоследствии был брошен вызов. Контекст социального, политического и идеологического кипения – в особенности в западных странах – способствовал новому пониманию отношения полиции с законом. В этой связи ревизионистские исследователи переосмыслили положение о применении права полицией, ее борьбе с преступностью (Anitua 2009; Waddington 1999), подерживая аргументы гражданских активистов о полицейском насилии.

По результатам сравнительного исследования полицейской работы в Турции, Уэльсе и Англии Айдин заключает, что отношения между организациями и их окружением «определяется в процессах обмена, конфликта, кооперации и торга – всем, что находится под влиянием социальных, культурных и властных факторов» (Aydin 1997: 16).

Большая часть исследований полицейской работы в Латинской Америке также посвящена этим особенностям. В данном случае исследователи полагают, что насилие и нарушение прав является частью повседневной работы полицейского. Невозможно определить полицейских как хранителей прав и свобод, поскольку насилие и произвол – конститутивные элементы латиноамериканской полицейской силы (Tiscornia 2000). Полицейская работа в Аргентине, как и в любой другой точке мира, развивалась под лозунгом защиты порядка при помощи (легального и нелегального) использования принуждения (Ganon 1999). Аугусто Монтеро систематизировал дискурсы о полиции в Аргентине и Латинской Америке, продемонстрировав существенное влияние веберовского понимания государственной монополии на насилие в деятельности полиции (Montero 2007: 72–82). Саин показал, что отсылки к морали, правильному поведению и общественному порядку дали возможность полицейским расширить пределы усмотрения при применении закона (Saín 2002: 51).

В этой работе отношения между правом и полицией анализируются в социо-правовой парадигме. Исследования полицейских практик сквозь призму социологии права предполагает анализ *взаимоотношений* закона и работы полиции, а также изучение правового, политического и экономического подтекстов (Fabini 2013: 12). Правовая неопределенность является пространством, в котором сосредоточена полицейская власть в своей взаимосвязи с законом. Такое понимание правовой неопределенности позволяет увидеть детали, характеризующие закон не в качестве ограничения для произвола, а в качестве открытого для интерпретации текста. Порой полицейские должны интерпретировать нормы права, чтобы разрешить возникшие нестандартные затруднения. Закон также не является туманным и непонятным по определению, но использует язык для коммуникации требований, что предполагает возможность интерпретации. Понятие правовой неопределенности, к которому я обращаюсь, является своеобразным использованием языка для перераспределения власти от буквы закона к полицейским практикам. Это перераспределение совершается через создание таких открытых структур правовых текстов, которые подразумевают практически неограниченное число интерпретаций. В своей книге «Обвинение» Дорин Макбарнет объясняет, каким образом закон обеспечивает гибкую и податливую структуру, позволяющую полицейским легитимировать противоречивые решения (McBarnet 1981). В этом смысле статья построена на предпосылке, что не только институциональная логика, но и определенные конструкции права допускают полицейский произвол. Полиция не про-

сто применяет закон, но и само право открывает пространства для произвола. Туманные формулировки и процедуры позволяют расширительно трактовать нормы, а выбор интерпретации осуществляется полицейскими ситуативно. Толкование норм права полицейскими на улицах, не нуждается в рациональных критериях. Порой применение закона достаточно обосновать назвав статью кодекса, которую полицейский якобы применяет, поскольку ее содержание туманно. Неясные правовые конструкции позволяют легализовать почти любую интерпретацию закона. Правовая неопределенность является пространством власти, но, как будет показано в статье, она также является пространством сопротивления.

Правовая неопределенность как пространство власти

Секс-работницы сообщили мне о своем опыте систематического давления со стороны полицейских: о постоянных задержаниях, туманных процедурах ведения дела, унижающих условиях содержания в полицейских участках, коррупции и пр.

В полдень меня отпустили из тюрьмы, я пошла на работу, и в три часа дня я уже снова была в полицейском участке... Для всех это было тяжело, оказываться за решеткой так часто, потому что там ты бываешь больше, чем дома (Клаудия).

Эти проблемы до сих пор актуальны, более того, они не являются уникальными для секс-работниц. Условия в тюрьме были нечеловеческими: жестокое обращение, насилие, отказ в базовых правах (телефонный звонок, кормление ребенка грудью или специальные условия для беременных), нередко случались кражи личного имущества полицейскими. Способом избежать заключения был подкуп. Опыт показывал, что «неуплата» взятки могла иметь даже худшие последствия, чем заключение – женщины могли быть убиты, их дети забирались из дома, пока самих женщин держали в участке:

Моя подруга работала, когда коп предложил ей продать свободу за секс. Когда она отказалась, ее забрали. Эта свинья спросила у нее «так где сейчас твои дети, крошка?»... полицейский тут же позвонил куда надо, и ее детей забрали (Хулия).

Как уже пояснялось ранее, нормы Кодекса поведения неоднозначны сами по себе, а процедуры их применения запутывают весь процесс еще более. Секс-работницам было неизвестно, как следует себя вести, чего ожидать и как защищаться. Сохранялась уверенность лишь в том, что задержания в любом случае не избежать, а поведение полицейских зависело от того, что, если перефразировать правовых реалистов, они «съели на завтрак»:

Однажды я просто стояла у дверей, когда ворвались двое мужчин и направились в кухню. Я сказала, что они не имеют права, тогда один повернулся, вытащил пистолет и сказал «заткнись и иди сюда» (...) оказалось, что это были легавые с обыском (Норма).

Такой опыт препятствовал рассмотрению правовых институтов как источников защиты прав и безопасности. Недоверие к полиции не давало оснований вызывать полицейских, когда секс-работницы сами становились жертвами преступления (насилия, жестокого обращения, ограбления). В то же время некоторые интервьюируемые противоречиво высказывались на этот счет. Они утверждали, что не верят полиции, но в любой из указанных ситуаций вызывали или вызвали бы полицию. По их мнению, полицейские будут и должны различать случаи, когда секс-работницы выступают в качестве задержанных и когда становятся жертвами преступлений. Некоторые информантки упоминали, что после долгих лет работы знали полицейских по именам, а те не путали эти ситуации. Описанные условия давления и произвола изменились после объединения секс-работниц в организацию.

Правовая неопределенность как пространство сопротивления

Люди не являются пассивными реципиентами социальных программ, дискурсов и практик. Отношения между секс-работницами и социально-правовыми институтами определяются динамикой власти и сопротивления ей. В этом плане противодействие давлению полиции должно приниматься во внимание для понимания динамики власти и сопротивления, опосредованных двойственностью правового контекста. Именно эта неоднозначность закона делает право областью оказания давления, а значит и отпор.

До тех пор, пока секс-работницы не объединились, их сопротивление отдельным фактам притеснения имело индивидуальный и краткосрочный характер. Подобные акты сопротивления были, по сути, борьбой за выживание. Данные указывают, что эти практики являлись в основном результатом усталости от постоянных задержаний и унижающего достоинство обращения. Сопротивление как тактика выживания принимало различные формы – в основном бегство, попытки спрятаться или даже частные стычки с полицейскими. В интервью оно определялось как тактика сохранения свободы работать на улице как можно дольше, но не как стратегия, основанная на рефлексивном осмыслении самого факта притеснения:

Ты сопротивляешься, борясь за свою свободу. Например, я много раз сопротивлялась: когда подъезжала патрульная машина, я убегала, или много раз ругалась с легавыми, чтобы не садиться в машину. Я так устала, так устала от этих частых задержаний. Я дошла до того, что ударила легавого, толкнула его (...) дошла до предела, я была слепа, (...) потому что приходит момент, когда тебя настолько все достало – камера, легавые, дискриминирующие тебя. Ты просто сыта всем этим по горло, сыта по горло (Клаудия).

Однако среди информанток было понимание того, что такие безрассудные тактики не изменят их положения в будущем, а, возможно, никак не повлияют и на изменение конкретной ситуации. Более того, условия их неминуемого заключения могли ухудшиться в результате сопротивления, поэтому некоторыми такая тактика считалась непродуктивной:

У меня частенько даже ключ был от камеры. Да, словно я там жила, я даже не думала убежать из участка, ведь я понимала: к чему убежать, если завтра я опять могу здесь оказаться, так они меня еще и избьют хорошенько (Глэдис).

Формы сопротивления секс-работниц начинают меняться после их объединения. В этом процессе полиция сыграла главную и в чем-то парадоксальную роль. Все началось в 2000 г., когда ювенальная полиция предложила обществу монахинь организовать собрание с участием секс-работниц, чтобы получить информацию о детской проституции в Кордове. В ходе собрания основными темами обсуждения стали постоянные задержания, насилие, издевательства и оскорбления со стороны полиции. Ювенальная полиция отказалась нести за это ответственность, но обвинения повторялись все настойчивее, и в результате собрание было закрыто. Однако на нем обнаружилось намерение секс-работниц противостоять существующей ситуации. Они продолжали собираться и, объединившись с соседними провинциями, образовали собственную организацию. Процесс шел медленно и встречал множество препятствий. А после того, как были сделаны первые шаги по созданию организации и проведению регулярных собраний, давление возросло. Участникам встреч угрожали заключением до 20 дней и более в случае посещения собраний, что отрицательно повлияло на количество членов:

В момент создания организации репрессии достигли своего пика (...) однажды легавый сказал мне во время ареста: «Ну что, союз шлюх, (...) теперь мы тебя посадим на все то время, что эти сучки заслуживают, как члены союза», – сказал он, – «посмотрим, захочешь ли ты остаться его членом» (Клаудия).

Некоторые из тех женщин продолжали встречаться для изучения Кодекса поведения, его копирования и распространения среди других секс-работниц. Они также добились соглашения с больницей о раздаче презервативов и гарантированной медицинской помощи. Эти практики способствовали формированию новых «дискурсов», связанных как с секс-услугами, так и с другими политическими вопросами:

Это позволило нам создать филиал АММАР, начать действовать в качестве организации, фактически быть частью профсоюза среди других объединений, синдикатов и организаций, со своим слоганом «Не оставайся в одиночестве» (...) Мы начали изучать другие дискурсы, другие дебаты, другие проблемы и увидели, что мы – часть эксплуатируемого

класса. Все это не было направлено только против секс-работниц, были и другие группы, страдающие от насилия и подавления, и, так же, как и мы, начав говорить, они рисковали попасть в тюрьму (Эухения).

К 2001 г. они собрали средства для создания превентивной программы против ВИЧ, раздачи презервативов, их стали узнавать. Активистки рассказывали о правах секс-работниц и самой организации, приглашали коллег на ассамблеи. В последующие годы организация разрасталась. Через несколько лет после создания *АММАР-СТА-Кордова*¹ репрессии и безнаказанность насилия достигли высшей точки. Последовали демонстрации, акции по сожжению покрышек, протесты различной формы как в Кордове, так и в других провинциях при поддержке региональных делегаций. С плакатами, гласящими «Наша жизнь не стоит меньше», организация секс-работниц устроила самую крупную акцию сопротивления, чтобы получить право на высказывание и добиться уважения. Эти события и протесты широко освещались СМИ, что также открыло каналы для диалога с правительством на различных уровнях: «*Думаю, я стала сильнее после всего этого: изучения наших прав, рассказов о всех наших потерях и о том, во что они нас заставили поверить*» (Ана).

Соппротивление секс-работниц поддерживается, среди прочего, правовыми дискурсами. Право оказалось инструментом материальных изменений и той символической областью, где протекает борьба за изменение социальных норм. Активистки полагают, что их правовые победы привели к изменению восприятия секс-работниц в обществе в лучшую сторону, а также к изменению условий труда. Их борьба становилась масштабнее и сложнее. Организация добилась встреч с Секретариатом по правам человека и другими органами власти. Они выходили на демонстрации с членами разных профсоюзов, выступали в СМИ, добивались видимости своих требований. Они также использовали правовые стратегии: запросы данных о задержаниях, числе беременных женщин среди задержанных, каждое задержание опротестовывалось в суде.

Эта борьба обнаружила парадокс, заключающийся как в поддержке, так и в систематическом давлении со стороны полиции. Для решения проблемы незаконных задержаний, секс-работницы начали встречаться с начальником полиции, и, в конце концов, пришли к соглашению, согласно которому члены *АММАР* не будут задерживаться полицией за профессиональную деятельность. Более того, в случае, если это произойдет, должен быть открыт канал коммуникации с полицейским участком для переговоров об освобождении. Теперь члены ассоциации предъявляли остановившему их патрулю удостоверение *АММАР*, и полицейские руководствовались

¹ АММАР – La Asociación de Mujeres Meretrices de la Argentina (Аргентинская ассоциация женщин секс-работниц) и СТА – Central de Trabajadores de la Argentina (Аргентинский союз рабочих).

негласной договоренностью при оценке ситуации: *«Легавые останавливали их, но не арестовывали, если они показывали удостоверение АММАР – это был триумф, за который так долго боролись»* (Эухения).

Тем не менее, изменение поведения полицейских было результатом многих контекстуальных факторов. Ко времени заключения соглашения количество задержаний уже уменьшилось, выбранная в правительство партия выразила поддержку прав секс-работниц. Члены организации учитывали, что их соглашение зависит от внешних условий, а, значит, все может в одночасье измениться. Поэтому они стремились к внесению поправок в Кодекс поведения, требуя его модификации от Парламента провинции:

Наша цель в том, что мы не хотим больше видеть женщин за решеткой. Но это не только слова, мы хотим изменить законы. Мы не будем мириться с любым положением, принижающим нас только за то, что мы – свободные секс-работницы, самостоятельно принявшие решение быть таковыми (Ана).

Как бы то ни было, это контекстуальное соглашение и произошедшие в результате изменения повлияли на условия труда секс-работниц. Сократилось количество задержаний, изменилось отношение со стороны полицейских: *«Они нас больше не обзывают, как раньше. Конечно, если мы будем создавать беспорядок, они нас заберут, но для меня это нормально»* (Беатрис).

Новая динамика, новые вызовы

До конца 2010 г. ассоциация секс-работниц достигла значительного прогресса: постоянные задержания на улицах прекратились, уменьшились насилие, коррупция и нарушения прав со стороны правовых институтов и общества. Однако конец 2010 г. отмечается новой волной аболиционизма в регионе, что отразилось на условиях труда секс-работниц, в особенности наиболее уязвимых из них (в силу возраста или социально-экономических условий). Отправной точкой изменений стала Международная конференция о гендерном насилии в Буэнос-Айресе в июне 2010 г., которая и послужила источником новой волны. Докладчики конференции часто обращались к трудам радикальной феминистки из США Кэтрин Маккиннон, чья позиция заключается в том, что уничтожение «проституции» является центральной частью борьбы за эмансипацию женщин от патриархата, поскольку ни в какой из своих форм «проституция» не является свободной деятельностью (MacKinnon 2005: 158). Это положение оказалось весьма влиятельным в процессе переопределения сексуального труда в торговлю людьми, сменив дискурс социальной политики. Цитаты автора появились в основных газетах страны, судья Верховного суда публично выразила поддержку

позиции исследовательницы, а через несколько недель последовали соответствующие законодательные инициативы.

После конференции аболиционистские дискурсы распространились повсюду вместе с ответными аргументами секс-работниц. В мае 2011 г. закон о криминализации клиентов, пользующихся услугами секс-работниц, обсуждался в парламенте, общественные слушания прошли без участия заинтересованных сторон. В июле 2011 г. под лозунгами аболиционистов был организован Конгресс по сексуальной торговле. В июне 2012 г., 50 лет спустя после принятия, в Кордове стал применяться Закон о профилактике венерических заболеваний, предписывающий вакцинацию секс-работниц. В июле 2012 г. в провинции были юридически запрещены так называемые бордели. Организованные в группы сопротивления секс-работницы заявляют, что замалчивание, эксплуатация и угнетение возросли и что полицейский произвол и коррупция вернулись после начала аболиционистской политики. По их словам, независимых секс-работниц теперь «спасают» как жертв для того лишь, чтобы поддерживать «индустрию спасения», игнорируя при этом торговлю людьми и реальные случаи эксплуатации, осуществляемые безнаказанными криминальными группировками. В качестве ответа секс-работницы организуют демонстрации против нарушений их прав, подогреваемых социальной политикой и неосмотрительными правовыми реформами. Они предлагают собственные низовые законодательные инициативы, чтобы защитить секс-работниц от нарушений и коррупции – единственный, по их мнению, способ решить проблемы торговли людьми и рабства.

Секс-работницы в Кордове собираются на общие ассамблеи для обсуждения проекта закона. В результате они написали собственный законопроект. Полиция часто обсуждается на их собраниях. В этой связи проект закона предполагает, прежде всего, защиту от произвола полицейских, коррупции и насилия. К примеру, контроль разрешений на работу предлагается передать в исключительные компетенции Министерства труда и социальной безопасности, а полицейским разрешить обыск на местах работы только с ордером, выданным судебной инстанцией, и только с соблюдением всех требований к уважению достоинства личности. Иницируется запрет на задержание секс-работниц лишь за выполнение их работы. Данный законопроект является примером низового правотворчества – предотвращения насилия, коррупции и эксплуатации через апелляцию к нуждам непосредственных участников процесса правоприменения и к исторически устойчивым паттернам дискриминации. Этот потенциал пока остается в латентном состоянии, поскольку секс-работницам необходимо сначала оспорить устоявшиеся иерархии власти, которые обрекают их голоса оставаться неуслышанными.

Правовая неопределенность – это пространство власти и сопротивления. Однако новая динамика и новые вызовы показывают, что процесс переговоров в этом пространстве имеет ограниченные шансы на успех.

Организованные в группы люди, тем не менее, продолжают борьбу за более точные правовые формулировки и защиту их прав.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Anitua G.I. *Derechos, Seguridad y policía*. Buenos Aires: Ad-Hoc, 2009.
- Aydin A.H. *Police Organisation and Legitimacy: Case Studies of England, Wales and Turkey*. Aldershot: Ashgate Publishing, 1997.
- Beckett K., Godoy A. A Tale of Two Cities: A Comparative Analysis of Quality of Life Initiatives in New York and Bogotá // *Urban Studies*. 2010. 47(2): 277–301.
- Beckett K., Herbert S. Dealing with Disorder Social Control in the Post-Industrial City // *Theoretical Criminology*. 2008. 12(1): 5–30.
- Comack E., Balfour G. *The Power to Criminalize: Violence, Inequality and the Law*. Halifax: Fernwood Publishing, 2004.
- Cox S.M. *Police: Practices, Perspectives, Problems*. Boston: Allyn and Bacon, 1996.
- Fabini G. Controllo Dell'immigrazione Irregolare E Polizia in Italia: Una Prospettiva Di Sociologia Del Diritto. Bologna: Bologna University, 2013.
- Fassi M.N. Discursos y Leyes sobre Prostitución/Trabajo Sexual // J. Morán Faúndes, C. Sgró Ruata, J.M. Vaggione (eds.) *Sexualidades, Desigualdades y Derechos: reflexiones en torno a los Derechos Sexuales y Reproductivos*. Córdoba: Ciencia, Derecho y Sociedad Editorial, 2012: 337–362.
- De Giorgi A. *Tolerancia cero. Estrategias y prácticas de la sociedad de control*. Barcelona: Virus editorial, 2005.
- Ganon G. Reforma de la Policía: cambio organizacional o estructural? // M. Sozzo (ed.) *Seguridad urbana, nuevos problemas, nuevas perspectivas. Pensar alternativas teoricas y politicas sobre la cuestion criminal*. Santa Fe: Centro de Publicaciones Universidad del Litoral, 1999: 65–88.
- Gowan T. The Nexus. Homelessness and Incarceration in Two American Cities // *Ethnography*, 2002. 3(4): 500–534.
- Guiñazú C. *Ley 8431 – Código de Faltas de la Provincia de Córdoba. Panorama Descriptivo de sus Normas de Procedimiento*. 2010 // <http://www.pensamientopenal.com.ar/index.php?view=article&catid=121%3Adoctrina&id=3367%3Aguinazu-claudio-esteban> (дата обращения: 19.04.2010).
- Lipsky M. *Street-Level Bureaucracy. Dilemmas of the Individual in Public Service*. 30th ed. New York: Russell Sage Foundation, 2010.
- Lustgarten L. *The Governance of Police*. London: Sweet & Maxwell, 1986.
- McBarnet D. *Conviction: Law, the State and the Construction of Justice*. London: Macmillan, 1981.
- Montero A. Policía y violencia. Apuntes comparativos sobre el lugar de la fuerza física en la definición del objeto de la "sociología de la policía" // *Delito y Sociedad*. 2007. (23): 59–88.
- Neocleous M. *The Fabrication of Social Order: a Critical Theory of Police Power*. London: Pluto Press, 2000.
- Newburn T., Reiner R. Policing and the Police // M. Maguire, R. Morgan, R. Reiner (eds.) *The Oxford Handbook of Criminology*. Oxford: Oxford University Press, 2012: 301–335.

- Oliveira A., Tiscornia S. *Estructura y prácticas de las policías en la Argentina. Las redes de ilegalidad*. Buenos Aires: CELS, 1997.
- Reiner R. *The Politics of the Police. 4th edition*. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Sáin M. *Seguridad, democracia y reforma del sistema policial en la Argentina*. Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica, 2002.
- Sáin M. *El leviatán azul. Policía y política en la Argentina*. Buenos Aires: Siglo XXI, 2008.
- Sánchez L. Los márgenes de disponibilidad en el funcionamiento de la fuerza policial // *Derecho Penal y Criminología*. 2014. IV (1): 101–113.
- Tiscornia S. Violencia policial, derechos humanos y reformas policiales // *Delito y Sociedad*. 2000. 14(9): 9–22.
- Waddington P. A. *Policing Citizens: Authority And Rights: Authority & Rights*. London: UCL Press, 1999.
- Young J. The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity // E. McLaughlin, J. Muncie, G. Hughes (eds.) *Criminological Perspectives: Essential Readings*. London: Sage, 2003: 561–570.
- Zaffaroni E. R. *Criminología desde el margen: una aproximación desde el margen*. Bogotá: Ed. Temis, 1988.

(Перевод: Юлия Мартинавичене)